Николай Филиппов

Зара



Кошмар равновесия

Николай Филиппов

Зара Спирия. Кошмар равновесия

https://litres.ru/74804189
SelfPub; 2026

Аннотация

Фауна — королевство, где даже воздух искрится магией, а цветы распускаются в такт заклинаниям. Это мир, в котором ведьмы и волшебники ежедневно удерживают равновесие между природой и силой, словно балансируют на лезвии.

На узких улочках города живёт Зара Спирия. Её магия — как внезапная гроза: появляется без предупреждения, ломает вывески, пугает прохожих и исчезает, оставляя после себя запах озона и виноватую улыбку Зары. Она хулиганка, бунтарка, и при этом — самая одинокая девушка в Фауне. Стать королевой для неё — не про трон и корону, а про право быть услышанной. Но в королевстве, где боятся даже намёка на хаос, её дар считают кошмаром. И каждый раз, когда магия вспыхивает снова, Зара понимает: чтобы её приняли, ей придётся либо укротить свою силу, либо доказать, что именно она способна удержать равновесие лучше всех.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 65
"Фауна" и сила чужого я 65
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Николай Филиппов
Зара Спирия.
Кошмар равновесия

Глава 1

Момент Равновесия Сила И Ответственность

Ночь в королевстве Фауна была не просто тёмной — она казалась живой. Туман стелился по полям, будто сам мир затаил дыхание, а небо, затянутое свинцовыми тучами, не пропускало ни единого луча луны. И в этой тишине раздался звук, от которого кровь стыла в жилах: не рёв, а низкий, вибрирующий гул, словно сама земля стонала под тяжестью чего-то чудовищного.

Дракон пришёл не с гор и не из моря — он возник будто из самой тьмы. Его чешуя отливала чёрным агатом, и при каждом движении по ней пробегали багровые всполохи, будто внутри бушевало чужое, злое пламя. Стрелы отскакивали от его брони, как сухие листья, а мечи, едва касаясь, рассыпались в искры и крошились, не оставляя на нём даже царапины. Он крушил башни, сжигал мосты и смеялся — если

можно назвать смехом этот скрежещущий звук, похожий на скрежет камня о камень.

Королевская гвардия падала одна за другой. Маги выкрикивали заклинания, но их чары разбивались о невидимый барьер вокруг чудовища, возвращаясь к ним же обжигающими вспышками. Казалось, что Фауна обречена: её стены падут, её люди сгорят, а имя королевства сотрётся из памяти мира.

И тогда на стену поднялся король Эдан — не в парадных доспехах, а в простой мантии, перепачканной сажей и кровью своих воинов. В его глазах не было страха, только тяжёлая решимость человека, который знает цену последнего шага. Он не стал кричать приказы и не пытался бежать. Вместо этого он тихо произнёс имя, которое веками запрещалось произносить вслух: имя Тёмной феи.

Говорят, что сделка с ней не бывает честной. Говорят, что её магия всегда требует больше, чем обещает. Но в ту ночь у Эдана не было выбора.

Тёмная фея откликнулась не голосом — она пришла тенью, скользнувшей по краю битвы, и прошептала одно слово, которое король должен был вложить в своё заклинание. Это слово было не о силе, а о жертве. Оно требовало отдать самое дорогое, чтобы получить шанс на победу.

Эдан знал, где у дракона уязвимое место. Не грудь, не крылья, не глаза — а крошечный просвет между пластинами брони у основания шеи, скрытый тенью и движением, по-

чти невидимый, если не знать, куда смотреть. Туда и ударил его последний удар — не мечом, не стрелой, а чистой волей, сплетённой с запретной магией.

Дракон взвыл — на этот раз не от ярости, а от боли, пронзившей его до самой сути. Он рухнул, сотрясая землю, и на миг всё вокруг замерло. Но король не успел увидеть победу. Заклинание Тёмной феи требовало платы: жизни того, кто его произнёс. Эдан упал, и последние его слова были не о славе, не о королевстве — а о том, как удержать зло, чтобы оно не вернулось.

С последним вздохом он наложил печать. Не на камень, не на руины, не на тело поверженного врага. Он запечатал сущность дракона — его ярость, его пламя, его древнюю, холодную злобу — в тело младенца, родившегося в ту же ночь в дальней башне дворца. Ребёнок не кричал, когда мир вокруг пылал. Он лежал тихо, и только на его плече, там, где кожа была ещё нежной и тонкой, проступила метка: узор, похожий на змею, едва заметный, будто выцветший след от прикосновения чего-то огромного и страшного.

Печать держалась на равновесии: пока ребёнок не знал, что в нём живёт дракон, пока его сердце оставалось спокойным, чудовище спало. Но каждый раз, когда в душе поднималась буря, печать дрожала. И где-то в глубине, под слоями памяти и тишины, дракон шевелился, прислушиваясь к миру, который однажды хотел сжечь дотла.

Прошло шестнадцать лет — город, переживший геноцид,

вновь обрёл прежний облик.

В вестибюле музея Фауны, просторном и тихом, за стеклянной конторкой стоял Валерий Булыгин, мужчина грузный, средних лет. Изо дня в день перед его глазами — те же витрины, блестящие и строгие, с утварью разных эпох, с холодным оружием, с манекенами в старинных нарядах и рыцарскими доспехами на постаментах. Всё это казалось ему одновременно и привычным, и чуждым — будто предметы жили своей, отдельной жизнью, равнодушной к людским тревогам.

По улице бежала девушка — быстро, порывисто, словно сама не ведая, куда несёт её страх. В её азиатских чертах сквозила какая-то особенная, хрупкая острота; на ней был колет, а под ним — белое платье с короткой юбкой. Когда она приблизилась, Валерий разглядел её лицо: лет шестнадцати, не больше; глаза широко раскрыты, рот чуть приоткрыт — будто крик застрял где-то внутри, не сумев вырваться наружу.

Не успел охранник опомниться, как девушка метнулась к стеклянной двери и, увидев его за конторкой, принялась отчаянно стучать по стеклу.

— Впустите! — крикнула она, и голос её прозвучал резко, надломлено. — Они гонятся за мной!

— Кто? — переспросил Булыгин, ещё не понимая, что происходит. И тут, обернувшись, заметил позади неё двоих парней: оба в чёрных джинсах, в чёрных колетах, в вязаных

шапочках; у одного за спиной болтался пустой мешок. Они мчались по улице, и в их поспешности было что-то нелепое, почти детское — и оттого ещё более пугающее.

— Да впустите же! Прошу вас! — снова вскрикнула девушка, на мгновение оглянувшись через плечо.

Преследователи были уже совсем близко. Не раздумывая, Валерий бросился к двери, отпер замок. Девушка ворвалась внутрь и едва не упала, поскользнувшись на гладком полу. Валерий тут же захлопнул дверь и снова повернул ключ.Запыхавшаяся, она остановилась, опустив голову и уперевшись руками в колени; дыхание вырывалось из груди часто, тяжело, будто она долго бежала против сильного ветра.

Через несколько секунд к двери подбежали парни и замерли, уставившись на охранника. Валерий вскинул брови: обоим едва ли исполнилось шестнадцать — совсем мальчишки, неловкие и злые в своей угловатости.

— Сопляки! — бросил он резко. — Уроки бы учили, а не гонялись за девчонками по улицам!

Один из парней пытался ему что-то и как-то донести, будто девушка не та, за которую себя выдает. Валерий только вздохнул, будто вдруг ощутив всю нелепость и горечь происходящего, и отошёл от двери, оставив мальчишек снаружи — одних со своим упрямством и злостью.

— Спасибо! — выдохнула девушка за его спиной. — Я задержалась допоздна у подруги, решила пройтись пешком, и за мной увязались эти двое! Если бы не вы, страшно поду-

мать, что бы они со мной сделали!

Охранник чуть заметно улыбнулся — не без самодовольства — и слегка выпятил живот, будто желая подчеркнуть свою значимость. Нечасто выпадал ему случай побыть спасителем.

Теперь он разглядел её как следует: щёки раскраснелись, волосы длинными прядями разметались по плечам, чёрные глаза всё ещё были широко раскрыты — и впрямь красавица. Но он обратил внимание на ее плечо, на нежной коже плечи, проступила татуировка — маленький чёрный змей обвившись вокруг ее плеч.«А ведь она, пожалуй, не такая уж и невинная, — с досадой подумал Булыгин. — Хорошие девушки не украшают плечи подобными знаками».

Снаружи снова раздался резкий удар — парни с силой стукнули по толстому стеклу. Казалось, даже стена слегка вздрогнула. Валерий ожидал, что хулиганы наконец уйдут, но те не торопились: отошли чуть подальше, но по-прежнему стояли неподалёку, бросая на дверь косые, недобрые взгляды на девушку.

— А ну, пошли вон отсюда, поганцы! — крикнул Валерий, повысив голос. — Не то сейчас полицию вызову!

Угроза подействовала: парни, ухмыляясь, отступили ещё на несколько шагов. Но уходить не собирались — лишь замерли в отдалении, по прежнему не сводя глаз с дверей.

— Всё-таки придётся вызвать полицию, — проговорил Валерий, направляясь к конторке. — Сейчас с этими молод-

чиками разберутся.

— Полиция? — в голосе девушки вдруг прозвучала тревога. — Стоит ли её впутывать?

— Конечно! Думаете, они так просто вас отпустят? Подкараулят за углом — и дело с концом.

— Об этом я не подумала, — призналась она тихо.

— Да и вообще, поосторожнее надо быть, — обернулся к ней Булыгин. — О чём вы думали, когда допоздна у подруги сидели? Район здесь неспокойный. По ночам всякая шваль околачивается.

— Ну, знаете, — голос девушки вдруг стал твёрдым, почти резким, — меня по-всякому называли, но «швалью» — впервые.

Валерий удивлённо обернулся: в её тоне прозвучала такая жёсткость, какой он прежде не замечал. От недавней растерянности и страха не осталось и следа.

— Что? — прищурился он.

В следующее мгновение девушка резко крутанулась на месте и ударила его ногой в висок. Булыгин пошатнулся, глаза его на миг остекленели, и он тяжело осел на стойку. Из ослабевших пальцев выскользнула шпага и покатилась по красному полу, тихо звякнув.

Юная незнакомка — её звали Зара — чуть заметно усмехнулась. Наклонившись, она на мгновение прижала пальцы к его шее, проверяя, без сознания ли он. Убедившись, что всё в порядке, она быстро подошла к картине Марины, достала из

сумки баллончик с краской и принялась покрывать полотно густыми, небрежными линиями.

— Да уж, «сильная королева» из тебя вышла, — рассмеялась она, глядя на искажённое изображение.

— Пора торопиться, — уже деловито добавила она. — Ещё драгоценности королевы забрать нужно.

Всё было продумано заранее — и план казался ей почти безупречным. Зара выросла без отца, детство её прошло в одиночестве, а единственным источником средств к существованию была скромная поддержка, которую она получала от королевы Лиафоры.

Родом она была из королевства Фауны, но не питала к нему ни любви, ни почтения. Напротив, её частые выходки и мелкие хулиганства не раз вызывали недовольство горожан — и всё же она не собиралась менять свой путь.

Учёба давалась Заре легко: она неизменно держалась в числе первых и уже близилась к окончанию академии. Владея основами магии, она слыла ведьмой не из слабых, и оттого особенно горько было ей переносить холодность товарищей. Репутация её среди одногруппников была подпорчена, и едва ли не всякий день ктонибудь да норовил задеть: то холодной водой окатит, то слизней подбросит — и всё прилюдно, словно нарочно желая унизить.

Зара не могла постичь, отчего к ней так относятся. Умна, способна — а прошлое, будто тень, тянется следом, не давая вздохнуть свободно. Она твёрдо знала: чтобы добиться при-

знания, надобно переменить свою жизнь — и не на словах, а делом.Когда девушка остановилась подле второй картины, в зал наконец ворвались Илья и Никита — те самые юноши, что преследовали её. Застали они Зару в самый разгар проступка и замерли на пороге, будто не веря глазам.

— Чем ты занимаешься? — выкрикнул Илья, голос его дрожал от негодования.

— Разве не видно? — отозвалась она с едва уловимой усмешкой. — Творю искусство.

— Прекрати сию же минуту! — рявкнул Никита, и голос его прокатился по залу, точно раскат грома.

— Или придётся отвечать, — прибавил Илья, и в тоне его не осталось и тени снисхождения.

— Что ж, стреляйте, — бросила Зара спокойно, и в этой невозмутимости сквозила угроза, куда более грозная, чем крик.

Юноши переглянулись, словно сомневаясь, не ослышались ли. Им всё ещё казалось, что перед ними — наивная девушка, не ведающая, во что ввязалась. Едва они вскинули оружие, намереваясь подкрепить слова делом, как Зары и след простыл. Исчезла она так же внезапно, как и возникла, и в опустевшем зале повисло растерянное: «Куда же она делась?»

А мгновение спустя у двери зеркальной комнаты вновь показалась Зара — постучала громко, уверенно, будто нарочно давая знать о себе. Илья и Никита резко обернулись,

вскинули стволы — но пули ушли в пустоту. В следующий миг она мелькнула в коридоре у выхода из галереи и, не сдержав смеха, исчезла из виду.

— Хаха, и это ваша стрельба? Да вам не на службу, а на учения надобно, — проговорила Зара с едва заметной иронией, и голос её прозвучал откудато из полумрака, будто сама тень подшучивала над ними.

Стрелы, пущенные в её сторону, вновь бессильно вонзились в пустоту. Юноши метнулись в коридор, озираясь по сторонам, но всё было тщетно — лишь тишина отвечала им.

Я здесь, пустоголовые! — раздался её голос, и она на миг выглянула изза манекена — ровно настолько, чтобы успеть усмехнуться, и тут же скрылась. Стрелы снова пролетели мимо.

— Как же вы предсказуемы, — бросила она, бесшумно скользя вдоль противоположной стены, мимо витрин и экспонатов. Молодые люди резко развернулись, вскинули оружие — и вновь промахнулись.В комнате с галереями мелькнула её тень: Зара выглянула, на секунду задержав взгляд на растерянных преследователях, и тут же исчезла. Юноши снова прицелились, будто надеясь, что на сей раз удача будет на их стороне.

— Всегда по уставу действуете? — прозвучал её голос — лёгкий, насмешливый, будто она вовсе не бежала от опасности, а вела неспешную беседу.

— Я вернулась, — объявила она вдруг — и парни, не раз-

думывая, дали залп. Но и на этот раз стрелы не нашли цели.Они бросились к тому месту, откуда донёсся голос, но Зара уже кричала откудато с другой стороны, потом — с третьей, и казалось, будто в залах перекликаются сразу несколько девушек.

— Слишком поздно! — прозвенело в воздухе, и эхо подхватило эти слова, разнося их по пустым залам, а Зары уже нигде не было видно.

На стене алели буквы, складываясь в грубое слово «Олухи». Зара, ловко выхватив ключ у охранника, щёлкнула замком, запирая юношей внутри, и, не медля, выскользнула из музея.

На улице её встретила Ирина Павловна — суровая преподавательница базовых заклинаний, защитница города. На ней был привычный наряд: зелёная рубашка свободного кроя, синяя накидка с капюшоном, зелёные штаны и чёрные ботинки. Резким жестом она остановила девушку.

— Зара, ты что здесь делаешь? — спросила она строго, скрестив руки на груди. Взгляд её был холоден, голос — властен, как всегда.

Зара остановилась, пытаясь унять дыхание. Сердце всё ещё колотилось, кровь стучала в висках, а в груди теснилось чтото острое, тревожное.

— Ирина Павловна? — проговорила она, стараясь придать голосу спокойствие. — Я… я просто хотела посмотреть на картины.

— Просто посмотреть? — повторила преподавательница, чуть приподняв бровь. — Ты вломилась в музей, нарушила правила, подвергла опасности себя и других. Это не «просто посмотреть».

На следующий день Зара сдавала экзамен по технике огненного дыхания. Она сидела на третьем ряду у окна, нахмурив брови, и чувствовала, как взгляд Ирины Павловны, тяжёлый и пристальный, будто прожигает её насквозь. В нём читалось не только строгое осуждение, но и тревога — тихая, сдержанная, но оттого не менее ощутимая.

— Осознаёшь ли ты всю серьёзность произошедшего? — спросила она. — Юноши, что преследовали тебя, не были случайными прохожими. Их появление здесь — не шутка.

Зара кивнула, ощущая, как внутри всё сжимается от неловкости и стыда. Она понимала, что поступила опрометчиво, но не могла найти слов, чтобы объяснить, что толкнуло её на этот шаг.

— Ирина Павловна, — начала она робко, но преподавательница лёгким движением руки остановила её.

— Зара, — произнесла она твёрдо, — тебе нужно научиться управлять не только магией, но и собой. Твоя сила — это не просто умение вызывать пламя. Это ответственность. Если ты не научишься владеть собой, эта сила может обернуться бедой — и для тебя, и для других.

Щёки Зары вспыхнули румянцем. Она склонила голову, признавая правоту наставницы, но в душе всё равно шеве-

лилось горькое чувство — не столько обиды, сколько досады на собственную неосмотрительность.

— Я поняла, — тихо сказала она. — Постараюсь быть осмотрительнее.

— Постарайся, — отозвалась Ирина Павловна уже мягче. — Помни: сила требует не только умения, но и почтения. И дисциплины.

Разговор оставил в душе неприятный осадок — словно где-то внутри треснула прежняя уверенность, обнажив пустоту.

В коридоре её встретили одногруппники — бледные от волнения, но с упрямой решимостью в глазах. Зара вдруг почувствовала, как её собственная уверенность, и без того пошатнувшаяся, словно утекает сквозь пальцы.

Начался экзамен. Студентов по одному вызывали в зал — просторное помещение, оборудованное для отработки боевых навыков: здесь тренировали заклинания, фехтование, приёмы самообороны. Пол был выстлан прочными плитами, стены защищены чарами, а в центре оставалась свободная площадка — место, где каждый должен был доказать своё мастерство.

Зара закрыла глаза, стараясь сосредоточиться. Но мысли путались, как обрывки тумана, ускользая от неё. Она пыталась вспомнить каждое движение, каждый жест, каждую формулу, но что-то не давалось — будто между её волей и магией встала невидимая преграда.

Огонь вспыхивал — но не тот, что нужен: слабый, дрожащий, словно испуганный. Он вздрагивал и тут же гас, не успев обрести форму. И каждый раз, когда пламя умирало, в груди у Зары становилось холоднее.

Ирина Павловна наблюдала за ней с холодной отстранённостью. Её лицо оставалось непроницаемым, но Зара чувствовала, как внутри неё растёт напряжение. Наконец, она завершила свою попытку, чувствуя, как её охватывает горькое разочарование.

Комиссия удалилась для обсуждения, и вскоре Зара услышала свой вердикт — «неудовлетворительно». Слова прозвучали как приговор, и она не смогла сдержать тяжёлого вздоха.

После экзамена Зара шла по коридору, погружённая в свои мысли. Она чувствовала себя опустошённой и растерянной. Её магия, которая раньше казалась такой послушной, теперь казалась дикой и неукротимой.

— Зара, давай сходим в ресторан после всего этого, — неожиданно предложила Ирина Павловна, подойдя к девушке после объявления результатов экзамена. — Тебе нужно отвлечься и собраться с мыслями.

Зара подняла на наставницу удивлённый взгляд. Она не ожидала такой доброты от обычно строгой Ирины Павловны. Но в этот момент девушка была благодарна за любое предложение, которое могло помочь ей отвлечься от неудачи.

— Спасибо, Ирина Павловна, — тихо сказала она. — Я

буду рада отвлечься.Вечером они уже были в кафе «Славянский Валет» в самом уютном уголке. Перед Зарой стояла тарелка её любимого Борща и хлеб. Ирина тоже ела борщ. За окнами кафе уже сгущались сумерки, в зале горел приглушенный желтый свет. Ирина Павловна с легким недоумением произнесла:

— Что за причина побудила тебя осквернить картину с изображением Королевы Аванты? Разве ты не знаешь, кто она? Зара, с блеском в глазах и твердой решимостью в голосе, ответствовала:

— А почему нет? Вы все молитесь на эту картину, как на икону! Аванта — жена нашего спасителя короля Эдана, Эдан — ведьма с угрюмым лицом. А я показала, что она — просто человек. И я тоже человек, а не жалкая ученица, которая вечно всё портит!

Ирина смотрела на Зару с удивлением видь она не верила что Заре никогда получиться стать королевой. Зара обратила внимание что на её голове святилась золотая корона в виде цветка. По середине блистал красный камень, а по сторонам бриллианты. Она думала что Ирина из царско семьи.

Ирина Павловна, не могли бы вы одолжить мне диадему? — с очаровательной улыбкой спросила Зара.

— Нет-нет, она выдается только после выпуска, — ухмыльнулась Ирина. — Корону можно будет получить через день после пересдачи экзамена. Этот символ отмечает, что выпускница обрела магические способности и готова к са-

мостоятельной практике и жизни в сообществе ведьм.

— Я так и знала, что вам просто жалко, — произнесла Зара с хмурой миной на лице. — Разве можно подумать, что я способна уронить или разбить эту диадему? Я словно не заслуживаю доверия!

Ирина рассмеялась, ей приятно общаться с Зарой, хоть она и устраивает какие-то разбои в городе. Ирина долгое время была единственным человеком, который относился к Заре с уважением, а также единственным человеком, который мог контролировать её поведение.

На следующий день в зале для экзаменов царила напряжённая атмосфера, словно воздух сгустился от волнения и ожидания. Тяжёлые бархатные шторы приглушали свет, а тени, плясавшие по стенам, будто поддразнивали тех, кто готовился к испытанию. Зара стояла перед высоким резным зеркалом в позолоченной раме, вглядываясь в собственное отражение. Её глаза горели решимостью, но в глубине души бушевала буря сомнений — они царапали изнутри, как острые когти.

Она знала: это её последний шанс. Последний шанс доказать, что она готова к самостоятельной практике, что достойна получить корону, которую так долго желала. От этой мысли дыхание перехватывало, а пальцы невольно сжимались в кулаки.

Экзамен по технике тёмного клона считался одним из самых сложных. Мало было создать точную копию себя —

нужно было наделить её сознанием, волей, способностью действовать независимо, но при этом оставаться под контролем. В прошлый раз Зара допустила ошибку: её клон вышел неуправляемым, словно вырвался из-под власти заклинаний и начал творить хаос. Воспоминание об этом до сих пор жгло стыдом.

В стороне, у массивной книжной полки, стояли две фигуры. Рядом с Ириной Павловной, чьи седые пряди отливали серебром в свете магических светильников, расположилась Селестина — высокая, с прямыми, короткими и белыми волосами ипронзительными зелёными глазами. Ирина наблюдала за Зарой с едва заметной улыбкой, в которой читалась мудрость и понимание. Селестина же сохраняла абсолютное спокойствие — её лицо было непроницаемо, а поза излучала уверенность опытного экзаменатора.

— Начинай, — коротко произнесла Селестина, и её голос, холодный и чёткий, разнёсся по залу, словно звон хрусталя.

Когда экзамен начался, Зара закрыла глаза и сосредоточилась. Она ощущала, как магическая энергия струится по венам, собирается в кончиках пальцев, ждёт момента, чтобы вырваться наружу. Мысленно она начала выстраивать образ — точную копию себя: те же черты лица, та же осанка, тот же взгляд. Но чтото пошло не так. Вместо чёткой картины перед внутренним взором возникали размытые очертания, фрагменты, которые не желали складываться воедино.

Клон появился — но не идеальный, не безупречный. Его

движения были неестественными, дёрганными, словно марионетки, которой перерезали нити. Черты лица исказились: один глаз оказался чуть выше другого, улыбка вышла кривой, а волосы клубились вокруг головы, будто живые.

Зара попыталась взять себя в руки, направить магию, подчинить клона своей воле. Но усилия были тщетны. Тень её самой ожила — начала хаотично перемещаться по залу, опрокидывая стулья, задевая старинные вазы, издавая странные, гортанные звуки, от которых по спине бежали мурашки.

Ирина Павловна наблюдала за этим с лёгкой насмешкой, но в её глазах читалась грусть. Она знала, каково это — стоять на краю провала, чувствовать, как мечта ускользает сквозь пальцы. Селестина же внимательно следила за происходящим, делая пометки в своём пергаментном журнале. Время от времени она бросала короткие взгляды на Ирину, словно спрашивала без слов: «Что думаешь?»

Когда экзамен подошёл к концу, Зара открыла глаза. Перед ней стоял её искажённый клон — молчаливое свидетельство ошибки. Сердце сжалось от разочарования, горького и тяжёлого, как свинец. Она знала: придётся пересдать. Но в этот раз она должна быть готова ко всему, предусмотреть каждую деталь, каждую возможную оплошность.

Ирина подошла к ней и мягко положила руку на плечо. Тепло её ладони словно передало частицу уверенности.

— Не переживай так сильно, Зара, — сказала она с мягкой улыбкой, в которой читалась мудрость многих лет. — Каж-

дый из нас делает ошибки. Главное — это учиться на них и двигаться дальше.

Селестина приблизилась и остановилась в шаге от них. Её голос, уже не такой холодный, прозвучал мягче:

— У тебя есть потенциал, Зара. Но техника тёмного клона требует не только силы, но и железной концентрации. Поработай над устойчивостью сознания — и в следующий раз у тебя всё получится.

Зара кивнула, пытаясь скрыть бурю чувств, клокотавшую внутри. Гордость, стыд, решимость — всё смешалось в один клубок. Она знала: впереди ещё много работы, бессонные ночи, часы тренировок, попытки и неудачи. Но она была готова. Готова бороться за свою мечту, идти до конца, пока не добьётся того, к чему стремилась всем сердцем.

После экзамена всё было кончено. Остальные выпускники, сияя от счастья, один за другим получали свои короны — символы признания, мастерства и нового статуса. Аплодисменты, радостные возгласы, объятия родителей и наставников наполняли зал теплом и торжеством. Все, кроме Зары.

Она не стала оставаться на церемонии. Тихо выскользнув из зала, она направилась в дальний уголок сада, где висели старые деревянные качели под раскидистым дубом. Зара села, опустив голову, и безвольно свесила руки. Ветер шевелил её волосы, но она этого не замечала. Грусть тяжёлым камнем легла на грудь, а в горле стоял ком, мешавший дышать.

Неподалёку, у клумбы с алыми розами, остановились две

девушки — Лиана и Мира. Они бросали взгляды в сторону Зары и не стеснялись говорить достаточно громко, чтобы она могла услышать.

— Ну что, опять провалилась? — с насмешкой произнесла Лиана, поправляя блестящую корону на голове. — Неудивительно. Все знают, что она слабая. И как только её вообще взяли в академию?

— Да, — подхватила Мира, понизив голос, но так, чтобы Зара всё равно услышала. — Говорят, она даже в детстве не могла контролировать простейшие заклинания. Родители, наверное, стыдились её…

Зара сжала кулаки, стараясь не обращать внимания на их слова, но каждое из них било точно в цель. О ней и правда ходило много слухов: её считали неудачницей, жалкой, неспособной достичь того, что удавалось остальным. Будто сама судьба решила, что ей не место среди избранных.

А потом начались поздравления. Родители выпускников подходили к своим детям, обнимали их, горделиво улыбались и говорили тёплые слова.

— Я так тобой горжусь, доченька! — восклицала мать Лианы, целуя её в щёку.

— Наконец-то ты это сделала, сын! — хлопал по плечу отца Мира. — Мы всегда верили в тебя.

Зара слушала эти слова, и сердце её сжималось ещё сильнее. У неё не было родителей. Никого, кто мог бы прийти сюда, поддержать, порадоваться за неё или даже строго отчи-

тать за ошибку. Никого, кто бы сказал: «Попробуй ещё раз. У тебя получится».

Она осталась одна — среди всеобщего ликования, среди чужих радостей и чужих побед. Качели слегка покачивались, а Зара всё смотрела вдаль, на закат, окрасивший небо в багряные и золотые тона. Где-то глубоко внутри неё, под слоем боли и разочарования, тлела искра решимости.

«Я докажу им, — подумала она, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Я докажу всем, что могу. Что я сильнее, чем они думают. И в следующий раз — я получу свою корону».

Ветер подхватил её слова, унося вдаль, а Зара выпрямилась, подняла голову и глубоко вздохнула. Впереди её ждали новые испытания, но теперь она знала: сдаваться нельзя. Она будет бороться — ради себя, ради своей мечты, ради того дня, когда сможет гордо надеть корону и посмотреть в глаза тем, кто в неё не верил.

Заходящее солнце окрашивало небо в нежные оттенки розового и оранжевого, создавая волшебный свет, который мягко освещал мощёную дорогу. Тени от фонарей становились длиннее, и в их игре можно было разглядеть причудливые

— Вы… вы здесь, — растерянно произнесла Зара.

Селестина слегка улыбнулась:

— Да. Прогуливаюсь после долгого дня. Вижу, ты не в духе. Что случилось?

Зара опустила взгляд. Ей не хотелось жаловаться, но слова сами вырвались наружу — она коротко рассказала о провале, о насмешках, о том, как тяжело было видеть, как другие получают короны, а она остаётся ни с чем.

Селестина слушала молча, не перебивая. Когда Зара закончила, она кивнула и сказала:

— Пойдём со мной. У меня дома мы сможем поговорить подробнее.Зара удивилась:

— К вам домой?

— Да, — спокойно подтвердила Селестина. — Не бойся, я не стану заставлять тебя пить отвратительный травяной чай, который так любит Ирина Павловна. У меня есть хороший вишнёвый настой, а ещё — пара идей, которые могут тебе помочь.

Они шли по тихим улицам, пока не добрались до небольшого, но изящного дома с черепичной крышей и увитыми плющом стенами. Внутри пахло деревом, лавандой и чемто едва уловимым — магией, старой и мудрой. Селестина развела огонь в камине, налила в чашки ароматный настой и жестом пригласила Зару сесть в кресло у огня.

— Ирина Павловна всегда была добра к ученикам, — начала Селестина, задумчиво глядя на пламя. — Она верит, что поддержка и мягкость помогают раскрыть потенциал. Но иногда нужен другой подход. Более… целенаправленный.Зара внимательно слушала, чувствуя, как в груди просыпается надежда.

— Я знаю способ, как быстро подготовиться к экзамену по технике тёмного клона, — продолжила Селестина чуть тише, почти шёпотом. — Это не просто упражнения. Это особая методика, которую редко используют, потому что она требует полной отдачи. Но если ты готова рискнуть, если готова работать без отдыха, я могу тебе её показать.

— Методика? — переспросила Зара, затаив дыхание. — Что за методика?Селестина улыбнулась уголком губ:

— Пока это секрет. Я расскажу тебе всё завтра, если ты придёшь ко мне на рассвете. Но предупреждаю: это будет нелегко. Ты должна быть готова к тому, что придётся выйти за пределы своих возможностей.

Зара посмотрела ей в глаза и твёрдо сказала:

— Я готова.

Селестина кивнула, удовлетворённо:

— Хорошо. Тогда завтра на рассвете, в лесу у старого домика. И не опаздывай — время дорого.

Огонь в камине потрескивал, отбрасывая тёплые блики на стены. Зара чувствовала, как внутри неё разгорается пламя решимости. Возможно, это был её шанс — не просто пересдать экзамен, а доказать, что она действительно достойна короны.

Рассвет едва окрасил небо в нежные розовые тона, окрасив облака перламутром и позолотив верхушки дворцовых башен. В этот час, когда город ещё спал, а стража на постах боролась с дремотой, Зара, словно тень, проскользну-

ла сквозь тенистые галереи дворца. Её шаги были бесшумны, плащ с капюшоном скрывал фигуру, а сердце билось так сильно, что, казалось, вотвот вырвется из груди.

Охрана не преградила ей путь — то ли не заметила, то ли была под действием какогото заклинания. Миновав череду мраморных залов и витых лестниц, Зара оказалась перед высокими резными дверями тронного зала. Она глубоко вздохнула, толкнула створки — и предстала перед Лиофорой, королевой, известной своей мудростью и проницательностью.

Лиофора восседала на троне, облачённая в серебристые одежды, с короной, усыпанной лунными камнями. Её взгляд, острый и всевидящий, мгновенно остановился на Заре.

— Зара, — произнесла королева, приподняв бровь, — что привело тебя сюда в столь неурочный час?

Но Зара не ответила на вопрос. Её глаза горели решимостью, пальцы дрожали от напряжения, но голос прозвучал твёрдо:

— Я намерена выйти на новый уровень силы, — объявила она. — И я не могу ждать разрешения.

Прежде чем королева успела что-либо понять, Зара вскинула руки и произнесла короткое, резкое заклинание. Воздух замерцал, и Лиафора обмякла в кресле, погружаясь в глубокий сон. Её дыхание стало ровным, лицо расслабилось, а корона чуть склонилась набок.

Не теряя ни секунды, Зара метнулась к боковой двери, ведущей в архив — тайное хранилище знаний, доступ к кото-

рому имели лишь избранные. Она знала, где искать: в дальнем углу, за стеллажами с древними свитками, скрывалась запретная книга с тайными способностями королев. То, что она искала долгие месяцы.

Пальцы дрогнули, когда она коснулась кожаного переплёта, украшенного серебряными рунами. Книга была тяжёлой, её страницы хранили секреты, передававшиеся из поколения в поколение. Зара прижала её к груди и бесшумно выскользнула из дворца.

Лес встретил её прохладой и шёпотом листвы. Под древним дубом, чьи корни уходили глубоко в землю, она села, раскрыла книгу и принялась листать страницы, выискивая технику огненного дыхания — заклинание, способное пробудить в ней новую силу.

В это время Селестина, верная помощница королевы, наблюдала издалека. Она стояла на краю опушки, скрытая в тени деревьев, и её глаза блестели торжеством. Уголок губ дрогнул в едва заметной улыбке — всё шло по плану.

А в это же время Ирина Павловна, мирно спавшая в своем комнате, видела совсем другой сон. Ей снилось воспоминание из детства: небо, почерневшее от дыма, пламя, пожирающее дома, и огромный дракон, чьи крылья закрывали солнце. Ей было девять лет, когда он сжёг её королевство, убил родителей и оставил сиротой. Она бежала сквозь огонь, задыхаясь от дыма, а позади раздавался рёв чудовища…

Ирина Павловна и Зара — они были похожи, как две кап-

ли воды в бушующем океане судьбы. Это понимала королева Лиофора. И вот теперь Селестина стучится в дверь покоев Ирины Павловны и, войдя, произносит испуганным голосом:

— Зара украла запретную книгу заклинаний.

Ирина Павловна резко села на кровати, сон мгновенно развеялся.

— Что ты сказала? — переспросила она, не веря своим ушам.

— Зара проникла во дворец на рассвете, наложила заклятие сна на королеву и забрала книгу из архива, — повторила Селестина, опустив глаза. — Её видели стражники. Всё указывает на неё.

Ирина Павловна не могла поверить. Как могла Зара совершить такое? Та самая Зара, которую она учила, поддерживала, верила в неё… Но факты говорили сами за себя.

Через пару часов состоялось собрание. В тронном зале, под взглядами придворных и магов, королева Лиофора объявила:

— Та, кто осмелилась украсть ценную книгу из архива, должна быть найдена. Я знаю, кто это сделал. Это Зара.

Зара совершить такое? Та самая Зара, которую она учила, поддерживала, верила в неё… Но факты говорили сами за себя.

Через пару часов состоялось собрание. В тронном зале, под взглядами придворных и магов, королева Лиофора объявила:

— Та, кто осмелилась украсть ценную книгу из архива, должна быть найдена. Я знаю, кто это сделал. Это Зара.

Ирина Павловна стояла в стороне, и в её сердце боролись противоречивые чувства. Недоверие, гнев, разочарование — и гдето глубоко внутри всё ещё теплилась надежда, что произошла какаято ошибка. Но как она могла оправдать поступок, который ставил под угрозу безопасность всего королевства?

Она подняла взгляд, словно пытаясь увидеть сквозь стены леса, где сейчас могла скрываться Зара. Что же ты наделала? — безмолвно спрашивала она. И в этот момент поняла: что бы ни случилось дальше, она должна найти ученицу. Должна понять, что заставило её пойти на такой шаг.

Селестина ступила в глубь дремучего леса, где ветви вековых деревьев сплетались в причудливые, словно высеченные временем узоры, а сумрак, густой и вязкий, таил в себе множество неведомых тайн. Поступь её была твёрдой, несгибаемой, а в глубине тёмных очей мерцал холодный, немигающий огонь — верный знак замыслов, исполненных мрачной решимости. Она отчётливо сознавала: деяния, что готовила, способны повергнуть мир в хаос, — но душа её, закалённая и бесстрашная, не ведала ни сомнений, ни страха.

Тихим, почти шёпотом, в котором звенела стальная воля, Селестина произнесла:

— Все подумают, что это Зара. Все без колебаний поверят: она похитила книгу — во имя власти, во имя дав-

ней, жгучей мести. Я приложу все силы, дабы превратить её в преступницу в глазах людей. Истина же должна навеки остаться сокрытой от них.

План её был выстроен с ювелирной точностью: каждый шаг, каждый жест, каждое слово — всё подчинено единой цели. Селестина твёрдо знала: лишь безупречное исполнение коварной игры принесёт желанный успех. Она лелеяла уверенность, что собственное имя останется в спасительной тени, а тяжкий груз вины падёт на плечи невинной жертвы. Ради достижения задуманного она готова была пожертвовать всем — не ведая, что судьба уже ткёт тонкую, но прочную сеть, что однажды сомкнётся вокруг неё самой, сковывая путами неизбежного возмездия.

Давней, жгучей мести. Я приложу все силы, дабы превратить её в преступницу в глазах людей. Истина же должна навеки остаться сокрытой от них.В лесной глуши, где ветви вековых деревьев сплетались в причудливые узоры, а робкие лучи солнца едва пробивались сквозь густую завесу листвы, устало опустилась на мягкую траву Зара. Она прислонилась к шершавому стволу древнего дуба, словно ища в нём опору и силы для продолжения нелёгкого пути.

Тишину зачарованного леса внезапно нарушил мерный хруст сухих веток под чьи-то шагами. Из тёмной чащи выступила Ирина Павловна — её лицо, изборожденное следами усталости, выражало едва сдерживаемое раздражение. Тяжело дыша, она приблизилась к Заре, стараясь унять закипаю-

щий в душе гнев.

— Доброе утро, Ирина Павловна, — безмятежно произнесла Зара, даже не подозревая, что эти простые слова способны лишь усилить недовольство собеседницы.

— Доброе?.. — переспросила Ирина Павловна, пронзая Зару недоумённым взглядом. — Ты что, не видишь, что сейчас отнюдь не время для учтивых приветствий?

Но Зара словно не замечала ледяного тона. С воодушевлением, почти детским восторгом, она принялась рассказывать, как наконецто сумела освоить заклинание огненного дыхания — и всё благодаря старинной книге, которая, по её наивному убеждению, была истинным кладезем магических знаний. Однако, как вскоре выяснилось, сей фолиант вовсе не предназначался для обучения юных чародеев.

Слова Зары поразили Ирину Павловну до глубины души. Она не могла поверить, что девочка, сама того не ведая, не причинила книге вреда, а лишь искренне пыталась постичь её тайны. Но теперь стало очевидно: все её старания были тщетны, а последствия могли оказаться непредсказуемыми.

— Ты даже не представляешь, какие бедствия могут последовать за этим, — тихо промолвила Ирина Павловна, усилием воли сдерживая дрожь в голосе. — Эта книга не для того, чтобы её листали в поисках заклинаний. У неё иное предназначение… сокровенное и опасное.

Зара подняла глаза на наставницу. На её юном лице читалось искреннее недоумение — она всё ещё не могла постичь,

отчего столь невинное любопытство вызвало столь бурную реакцию. Но где-то в глубине души, под слоем наивности, шевельнулось горькое осознание: она невольно переступила черту, совершив непростительную ошибку.

Ирина Павловна глубоко вздохнула, пытаясь унять волнение. Она понимала, что должна быть откровенной, но это могло разрушить хрупкий мир доверия между ними.

— Эта книга — артефакт, созданный древними магами для защиты и сохранения знаний, — начала она, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрожал.

— Она не предназначена для обучения, Зара. Её страницы содержат не заклинания, а символы, которые могут открыть портал в иные миры или вызвать силы, с которыми тебе не справиться.

Зара слушала, не перебивая, но её лицо постепенно становилось бледнее. Она поняла, что допустила ошибку, но всё ещё не могла осознать всей серьёзности своих действий.

— Что же мне теперь делать? — прошептала она, сжимая руки.

Ирина Павловна задумалась, как лучше поступить. Она не могла просто отобрать у Зары книгу, это только усугубило бы ситуацию. Нужно было найти способ нейтрализовать её воздействие.

— Сначала верни книгу туда, откуда взяла, — сказала она твёрдо, но мягко. — Не пытайся больше её открывать или читать. И никому не рассказывай о том, что видела.

Зара кивнула, хотя её глаза всё ещё были полны растерянности. Она встала и направилась к выходу, но у двери остановилась.

— Ирина Павловна, а если я снова найду такую книгу?

— Тогда ты будешь знать, что с ней делать, — ответила наставница с лёгкой улыбкой, стараясь подбодрить ученицу. — Но пока что забудь об этом. Давай сосредоточимся на твоих настоящих уроках.

могут открыть портал в иные миры или вызвать силы, с которыми тебе не справиться.

— Что же мне теперь делать? — прошептала она, сжимая руки.

— Сначала верни книгу туда, откуда взяла, — сказала она твёрдо, но мягко. — Не пытайся больше её открывать или читать. И никому не рассказывай о том, что видела.

Зара кивнула, хотя её глаза всё ещё были полны растерянности. Она встала и направилась к выходу, но у двери остановилась.

— Ирина Павловна, а если я снова найду такую книгу?

— Тогда ты будешь знать, что с ней делать, — ответила наставница с лёгкой улыбкой, стараясь подбодрить ученицу. — Но пока что забудь об этом. Давай сосредоточимся на твоих настоящих уроках.

Внезапно Ирина резко обернулась — и в тот же миг на неё обрушился град метательных кинжалов. Они летели стремительно и бесшумно, словно смертоносные стрелы, выпущен-

ные из тугого лука. Холодная сталь впивалась в тело: один клинок вонзился в предплечье, два других глубоко вошли в плечо, по паре поразили каждую ногу, а последние два ударили в живот, заставив её содрогнуться от острой, обжигающей боли.

Селестина, стоявшая чуть поодаль, одобрительно кивнула Заре и негромко произнесла:

— Отлично сработано. Благодаря тебе книга теперь у нас.

В этот миг до Ирины наконец дошло — всё встало на свои места. Хитроумный план, тайные переговоры, подозрительные взгляды — теперь она ясно видела всю картину.

— Отдай книгу, — властно потребовала Селестина, её голос прозвучал холодно и непреклонно.

Ирина Павловна, бледная, но собранная, повернулась к Заре. В её взгляде читалась непреклонная решимость.

— Зара, — произнесла она твёрдо, почти шёпотом, но с железной интонацией, — ни в коем случае не отдавай ей эту книгу. Ни под каким предлогом.Зара растерянно переводила взгляд с одной женщины на другую. Её лицо выражало полное замешательство: брови сдвинулись, губы слегка приоткрылись, а глаза метались между напряжёнными лицами собеседниц. Она не понимала, что происходит, не могла уловить суть конфликта, и лишь беспомощно крутила головой тудасюда, словно надеясь найти ответ гдето в воздухе между ними.Ирина Павловна, бледная, но собранная, повернулась к Заре. В её взгляде читалась непреклоннаярешимость.

— Зара, — произнесла она твёрдо, почти шёпотом, но с железной интонацией, — ни в коем случае не отдавай ей эту книгу. Ни под каким предлогом.Зара растерянно переводила взгляд с одной женщины на другую. Её лицо выражало полное замешательство: брови сдвинулись, губы слегка приоткрылись, а глаза метались между напряжёнными лицами собеседниц. Она не понимала, что происходит, не могла уловить суть конфликта, и лишь беспомощно крутила головой тудасюда, словно надеясь найти ответ гдето в воздухе между ними.Ирина шагнула ближе к Заре, схватила её за руку и тихо, но твёрдо произнесла:

— Зара, послушай меня внимательно. Селестина не союзница тебе — она просто использовала тебя, чтобы заполучить книгу. Ты была лишь инструментом в её игре.Зара замерла, широко раскрыв глаза. Её лицо исказилось смесью недоверия и боли

— словно мир вокруг вдруг перестал быть понятным. Она медленно повернулась к Селестине, ожидая опровержения, но та лишь холодно улыбнулась.

— Тебе и правда не нужна эта книга, — произнесла Селестина ровным, почти убаюкивающим голосом. — В ней нет ничего, что могло бы принести тебе пользу. Лишь старые тайны, которые лучше оставить погребёнными.

Но в этот миг чтото в её взгляде изменилось. Маска спокойствия дрогнула, и Селестина вдруг выпрямилась, глядя на Зару с какойто странной смесью торжества и сожаления.

— Впрочем, — добавила она, понизив голос до шёпота, — раз уж всё так сложилось, пора тебе узнать правду. Правду, которую скрывали ото всех… но особенно от тебя.Ирина побледнела. Её пальцы судорожно сжались, а дыхание участилось.

— Селестина, умоляю, — прошептала она, — не надо. Остановись. Не говори этого.Но та лишь усмехнулась и, сделав шаг вперёд, произнесла чётко и веско, будто высекая слова в камне:

— Шестнадцать лет назад… Ты ведь до сих пор не знаешь, где сейчас находится дракон после его смерти, не так ли?

Воздух словно сгустился. Зара почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб. Всё внутри неё перевернулось — вопрос, прозвучавший так просто и буднично, ударил в самое сердце, обнажая пропасть незнания, в которой она жила все эти годы. Она открыла рот, но не смогла произнести ни звука, лишь беспомощно переводила взгляд с Ирины на Селестину, пытаясь осознать услышанное.

Ирина закрыла глаза, словно пытаясь отгородиться от неизбежного. Она знала: с этого мгновения всё изменится навсегда.

Селестина медленно повернулась к Заре, и в её взгляде вспыхнул холодный, почти зловещий блеск. Она чуть склонила голову, словно изучая девушку, и произнесла с едва заметной усмешкой:

— Не знаешь, значит, да? — Её голос зазвучал тише, но от

этого стал ещё более пронзительным. — Теперь скажи мне: какой закон Ковена был принят после того, как душу дракона заточили в тело младенца?

Зара замерла. Сердце её забилось чаще — эти слова ударили в самое сердце давней тайны, которая терзала её с самого детства. Она всегда чувствовала: за историей о драконе скрывается нечто большее. Пыталась разузнать, где теперь находится тот самый наследник, в ком заключена древняя сила, — но все попытки натыкались на глухую стену молчания. Каждый, к кому она обращалась, либо отворачивался, либо отвечал уклончиво, будто сам боялся коснуться этой темы.

Теперь же ответ, казалось, висел в воздухе — совсем близко, но всё ещё недосягаемый. Зара подняла глаза на Селестину, и в них отразилась смесь тревоги, надежды и затаённого страха. Голос её дрогнул, когда она наконец выговорила:

— Что это за закон?

Селестина на мгновение замолкла, наслаждаясь моментом. Она медленно провела кончиком пальца по краю старинного стола, усыпанного пылью веков, и лишь затем ответила — медленно, чеканя каждое слово:

— Закон Ограждения. Он запрещает любому магу, вне зависимости от ранга и принадлежности, искать или пытаться установить связь с носителем драконьей души. Более того, он предписывает стереть из всех архивов любые упоминания о его личности, месте рождения и нынешнем место-

нахождении.

Ирина, стоявшая чуть поодаль, побледнела ещё сильнее. Она сделала шаг вперёд, будто хотела вмешаться, но Селестина бросила на неё короткий, ледяной взгляд — и та замерла, не решаясь нарушить тишину.

Зара же, не отрывая взгляда от Селестины, почувствовала, как внутри неё чтото дрогнуло. Всё это время она искала разгадку — а истина оказалась не просто скрыта, а официально запрещена. И теперь перед ней встал новый вопрос, ещё более тревожный: почему? И кто же на самом деле этот таинственный наследник?Зара побледнела. В груди сдавило так, что стало трудно дышать. Она сглотнула, пытаясь унять дрожь в голосе, и переспросила — тихо, почти шёпотом, будто боялась, что сама реальность изменится от произнесённых слов:

— Что это за закон… и почему от меня его прятали?Селестина медленно подняла взгляд, её глаза сверкнули холодным, безжалостным светом. Она сделала шаг вперёд, сокращая расстояние между ними, и произнесла — чётко, веско, без тени сомнения:

— Потому что ты и есть Дракон.

Слова ударили, словно молния. Зара замерла, словно поражённая невидимым разрядом. Мир вокруг на мгновение потерял чёткость: очертания предметов поплыли, звуки приглушились, а в ушах зазвучал глухой, нарастающий гул. Внутри всё перевернулось — шок, неверие, ужас и какаято

странная, пугающая ясность смешались в один клубок.

Селестина не дала ей времени прийти в себя. Её голос зазвучал жёстче, в нём зазвучали стальные нотки:

— Дракон, который убил родителей Ирины и чуть не сжёг королевство.

— Прекрати! — вдруг вскрикнула Ирина. Её голос сорвался на крик, полный боли и отчаяния. Она рванулась вперёд, но ноги будто приросли к полу. — Хватит! Ты не имеешь права так с ней!

Зара медленно подняла глаза на Ирину. В её взгляде читалась мучительная борьба: разум отказывался принять услышанное, но в глубине души чтото дрогнуло — обрывки детских снов, странные вспышки памяти, необъяснимые приступы ярости и жара, которые она всегда считала капризами своего характера. Теперь они складывались в страшную мозаику.

— Я… — голос Зары дрогнул. Она сжала кулаки, ногти впились в ладони, пытаясь вернуть себя в реальность. — Я не могла… не могла этого сделать. Я ничего не помню!

Селестина скрестила руки на груди и холодно улыбнулась:

— Память — штука хитрая. Она прячется, когда правда слишком тяжела. Но кровь не обманешь. В тебе течёт кровь древнего дракона, и рано или поздно она заявит о себе вновь.

Ирина бросилась к Заре, схватила её за плечи и заглянула в глаза:

— Зара, послушай меня. Не верь ей. Что бы она ни гово-

рила, ты — это ты. И я не позволю, чтобы ктото решил за тебя, кто ты есть.Казалось, наэлектризовался до предела — словно перед бурей, которая вотвот разразится.

говорила, ты — это ты. И я не позволю, чтобы ктото решил за тебя, кто ты есть.Селестина сделала шаг вперёд, её глаза сверкали жестоким торжеством. Голос зазвучал резко, хлестко, словно удар кнута:

— Тебя заточил тот самый король, которую ты так уважаешь.

— Заткнись, Селестина! — снова закричала Ирина, её голос дрожал от ярости и боли. — Хватит лить эту грязь!

Но Селестина не замолкала. Она наслаждалась каждым мгновением, каждым ударом по душе Зары:

— Они все лгали тебе! — её голос стал громче, эхом разносясь по лесу. — Ты хоть раз задумывалась, почему все так тебя боятся? Почему отступают, когда ты входишь в комнату? Почему шепчутся за спиной? А Ирина… О, она тебя ненавидит. Просто делает вид, что ей всё равно. Как будто она может забыть, что ты сделала с её семьёй!

Зара отшатнулась, словно от пощёчины. Её лицо исказилось от боли, слёзы хлынули из глаз, капая на землю. Она закрыла уши руками, но слова уже проникли внутрь, разъедая душу.

— Нет! — закричала она на весь лес, и крик её эхом разлетелся между деревьями. — Нет! Нет! Нет! Нет! Нееееееет! — Её голос срывался, превращаясь в отчаянный вопль,

полный боли и отрицания.

В этот миг Ирина замерла. В памяти всплыли вчерашние слова королевы Лиофоры, сказанные тихим, почти сочувственным голосом:

«Вы очень похожи с Зарой, как в истории, так и в одиночестве. Она тоже выросла без родителей, хотела любыми способами привлечь внимание. В глазах других она кажется сильной, но в душе у неё сеется страдание и боль…»

Ирина сжала кулаки. Теперь она поняла, что имела в виду королева. Зара всю жизнь искала признания, пыталась стать нужной — и именно эта жажда сделала её уязвимой для манипуляций.

Селестина, заметив замешательство Ирины, рассмеялась — страшно, издевательски:

— О, неужели до тебя дошло? — она подняла книгу, которую держала в руках, и потрясла ею перед Зарой. — Благодаря этой книге её и заточили. Магия, способная усмирить даже дракона. Они вырвали твою силу, заперли её в этих страницах, а тебя заставили забыть, кто ты есть на самом деле!

Зара медленно опустила руки. Её плечи дрожали, слёзы текли по щекам, но в глазах вдруг вспыхнул огонёк — не отчаяния, а чегото иного. Она подняла взгляд на Селестину, и в этом взгляде читалась борьба: между верой в ложь, которой её кормили годами, и пробуждающейся правдой, страшной, но неотвратимой.

В руках Селестины блеснула чёрная стрела — не про-

сто тёмная, а словно выточенная из самой ночи: с оперением, похожим на склеенные крылья мёртвых птиц, и наконечником, отливающим багровым, будто пропитанным древней кровью. Она неторопливо взяла лук — тот глухо заскрипел, словно стонал от предвкушения смерти, — натянула тетиву до предела. В воздухе повисло тяжёлое, давящее ощущение неизбежности.

Селестина прицелилась. Её глаза, холодные и пустые, не выражали ничего, кроме холодной решимости. На губах играла едва заметная улыбка — не жестокая, а какаято отстранённая, будто она совершала не убийство, а ритуал, давно предрешённый судьбой.

Отпустила тетиву.

Стрела сорвалась с лука с резким, режущим звуком — не свистом, а скорее хрипом, словно сама смерть выдохнула в тишине леса. Она устремилась к Заре с пугающей точностью, рассекая воздух, оставляя за собой едва заметный тёмный след, будто разрывая ткань реальности.— Нет! — вскрикнула Ирина.Она бросилась вперёд без раздумий, с отчаянной решимостью, которая рождается только тогда, когда на кону стоит нечто большее, чем собственная жизнь. Обхватила Зару руками, развернулась, подставляя плечо под удар.Глухой, тошнотворный звук — остриё вошло в плоть, пробив мышцу и задев кость. Ирина вздрогнула, но не отступила. Из раны хлынула кровь — густая, почти чёрная в тусклом свете, она потекла по руке, капая на землю, образуя у ног тёмную

лужицу. Ткань мгновенно пропиталась, стала липкой и тяжёлой.Зара замерла в её объятиях, парализованная ужасом. Она смотрела на рану Ирины широко раскрытыми глазами, в которых читался чистый, первобытный страх. Её пальцы дрожали, когда она осторожно коснулась края раны, будто не веря в происходящее.— Зачем… зачем ты это сделала? — прошептала Зара. Голос её звучал надломленно, прерывался, как будто каждое слово давалось с болью.Ирина слабо улыбнулась — улыбка вышла кривой, искажённой от боли. Кровь выступила на губах, стекая тонкой струйкой по подбородку. Она с трудом перевела дыхание, пальцы на плече Зары дрожали.— Потому что мы с тобой похожи, — выдохнула она. — Очень похожи.Она сглотнула, пытаясь унять дрожь в голосе, и начала рассказывать — медленно, с паузами, прерываемая приступами боли:— Я тоже потеряла родителей. После их смерти я осталась совсем одна. Совсем. Никого. Ни единого человека, кто бы протянул руку. Друзей у меня не было — никто не хотел связываться с девочкой, за спиной которой тянется след горя и неудач. И от этого становилось только хуже… намного хуже.Её голос дрогнул, но она продолжила, заставляя себя говорить:— Ради внимания окружающих я совершала ошибки. Глупые, страшные ошибки. Крала, лгала, провоцировала — лишь бы ктото заметил меня, лишь бы не чувствовать себя невидимкой. Лучше так, чем быть привидением для всех людей, понимаешь? Я просто не знала других способов выделиться. Но в итоге… вме-

сто того чтобы просто остаться серой мышкой, я осталась неудачницей. Обузой для всех.Слезы катились по её щекам, смешиваясь с каплями крови. Она говорила, и каждое слово шло из самой глубины души — горькое, честное, освобождающее. Дыхание становилось всё более прерывистым, пальцы на плече Зары ослабевали.— Я знаю, как тебе тяжело всё это переносить, — прошептала Ирина, с усилием обнимая Зару крепче, хотя силы уже покидали её. — И я виновата во всём, что с тобой происходит. Если бы я была хорошим наставником, если бы я увидела раньше, что ты нуждаешься не в уроках, а в понимании… этого бы не случилось. Если сможешь… прости меня.

В тот же миг Зара резко оттолкнула Ирину — с такой силой, что та едва устояла на ногах. Лицо девушки исказилось от боли и отчаяния, слёзы струились по щекам, оставляя бледные дорожки на запылённой коже. Не оглядываясь, Зара бросилась прочь — сквозь колючие кусты, по неровной земле, спотыкаясь, падая и снова вскакивая, пока её силуэт не растворился в сумраке леса, оставив после себя лишь треск веток да прерывистое эхо рыданий.

— Зара! Вернись! — кричала Ирина, срывая голос. Она сделала шаг вперёд, но ноги подкосились, и она упала на колени, упираясь ладонями в холодную влажную землю. Кровь сочилась из раны, пропитывая ткань, капала на листья, оставляя тёмные пятна. — Зара… — прошептала она уже тише, и голос её дрогнул.

Ирина закрыла лицо руками и зарыдала — горько, безутешно, обвиняя себя во всём, что произошло. Слишком поздно она поняла, как глубоко ранила Зару своей неосторожностью, своим молчанием, своей неспособностью увидеть боль, скрытую за внешней стойкостью.

Селестина, наблюдавшая за этой сценой, разразилась хриплым, издевательским смехом. Она отложила лук, подошла ближе и склонилась над Ириной, глядя на неё с презрением.

— Ох, дорогуша, не плачь! — пропела она насмешливо, растягивая слова. — Зара не из тех, кто прощает обиды и детские травмы. Через пару мгновений она воспользуется книгой, чтобы отомстить королевству. И поверь мне, месть её будет жестокой — такой, что камни в стенах замка начнут стонать от ужаса.

Ирина стиснула зубы, с трудом подавив новый приступ боли. Собрав остатки сил, она схватилась за древко стрелы, торчащей из груди, и резким движением выдернула её. Вспышка острой боли заставила её задохнуться, перед глазами поплыли тёмные круги, но она не издала ни звука. Кровь хлынула сильнее, тёплая и липкая, но Ирина, превозмогая слабость, заставила себя подняться. Она стояла, покачиваясь, но держалась прямо — сгорбившаяся, окровавленная, но не сломленная.

Селестина приподняла бровь, явно удивлённая такой стойкостью.

— Ты что, не видела её демонические глаза, когда ты смотрела на неё? — продолжила она, понизив голос до шёпота. — Или куда ты там смотрела? В душу? В прошлое? Ты так и не поняла, кто она на самом деле.

Ирина подняла взгляд. В её глазах, покрасневших от слёз, теперь горела твёрдая решимость. Она произнесла тихо, почти беззвучно, но каждое слово звучало отчётливо и весомо:

— Кажется, это ты совсем не знаешь её. И не понимаешь её истинную сторону. Зара — не монстр. Она — человек, который слишком долго нёс на себе чужую вину. И я найду её. Я помогу ей вспомнить, кто она есть на самом деле.

Лес вокруг замер, словно прислушиваясь к этим словам. Ветер стих, птицы умолкли, даже капли крови, падающие с руки Ирины, будто замедлили свой полёт. В этот миг между двумя женщинами повисло не просто противостояние — здесь столкнулись два мировоззрения: одно, пропитанное ненавистью и жаждой власти, и другое — рождённое из боли, но освещённое надеждой.

Селестина резко обернулась. Её лицо исказила гримаса раздражения, но уже в следующее мгновение она рассмеялась — громко, издевательски, запрокинув голову. Звук этот резанул по нервам, словно скрежет металла по стеклу.

— Ой, какая ты скучная, — процедила она, шагнув ближе. — Вечно поправляешь других, лезешь не в свои дела… Спорить ещё со мной насчёт этой соплячки? — Она скривила губы в презрительной усмешке. — Когда я заберу книгу,

я убью её… а после — и тебя. Без спешки, с удовольствием.

Селестина сделала паузу, наслаждаясь эффектом своих слов. Её глаза, холодные и пустые, как два осколка льда, впились в Ирину. Затем она медленно, с нарочитой неторопливостью, поправила прядь волос, откинув её за плечо, и добавила с ледяной улыбкой:

— До встречи, дорогуша.

Не дожидаясь ответа, Селестина развернулась и рванулась вперёд — стремительно, почти бесшумно, словно хищница, почуявшая добычу. Её плащ развевался за спиной, а шаги, лёгкие и упругие, почти не оставляли следов на мшистой земле. Она бежала за Зарой — быстро, целеустремлённо, с азартом охотника, который вотвот настигнет жертву.

Ирина проводила её взглядом, сжимая кулаки. Силы были на исходе, тело отказывалось подчиняться, но внутри неё разгоралось пламя — не ярости, а решимости. Она знала: нельзя допустить, чтобы Селестина добралась до Зары. Нельзя позволить книге попасть в руки той, кто жаждет лишь разрушения.

Она оттолкнулась от дерева, сделала шаг вперёд — сначала неуверенно, потом твёрже. Кровь стекала по руке, капала на листья, оставляя тёмные точки на их поверхности. Но Ирина не обращала внимания. Она глубоко вздохнула, пытаясь унять головокружение, и двинулась следом — медленно, но неуклонно, прокладывая путь сквозь чащу, туда, где скрылась Зара, а за ней — Селестина.

Лес вокруг словно затаил дыхание. Ветви цеплялись за одежду, корни норовили подставить подножку, но Ирина шла вперёд. В голове билась одна мысль: «Я найду её. Я успею».

Королева Лиафора стояла на балконе древней башни — высокой, как сама история королевства, с каменными перилами, покрытыми мхом веков. Внизу, в сумрачной чаще леса, только что разыгралась буря страстей и магии, но отсюда, с высоты, всё казалось тихим и почти нереальным. Её глаза, острые и проницательные, следили за происходящим сквозь завесу заклинаний наблюдения — едва заметные серебристые нити, мерцающие в воздухе.

Лиафора сжала пальцами резные перила. Древесина треснула под её хваткой — знак того, насколько сильны были эмоции, которые она пыталась сдержать. Взгляд упал на образ в магическом зеркале: Зара, бледная, с дрожащими руками, всё ещё сжимала книгу. Ту самую. Древнюю, с переплётом из кожи неизвестного зверя, с застёжками, инкрустированными камнями цвета застывшей ночи.

«Книга всё ещё у неё в руках…» — пронеслось в мыслях королевы.

Запечатанная сила, скованная волей тёмной феи много веков назад, дремала внутри. Но она была жива. Ждала. Дышала в такт биению сердца мира, ожидая момента, когда кто-то осмелится произнести заклинание, способное разрушить заклятие.

Если Зара прочтёт его — дракон вырвется наружу снова. Не призрак, не отголосок, а подлинная, первозданная мощь, способная испепелить города, стереть границы, переписать законы природы. Пламя, которое когда-то чуть не уничтожило королевство, возродится — и на этот раз может не остаться никого, кто сумеет его остановить.

Королева закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. Перед внутренним взором пронеслись картины прошлого: дым над крепостями, крики, пепел на губах, запах гари, который не выветривался годами. Она была тогда совсем юной, но запомнила всё до мельчайших деталей — ужас, хаос, отчаяние.крепостями, крики, пепел на губах, запах гари, который не выветривался годами. Она была тогда совсем юной, но запомнила всё до мельчайших деталей — ужас, хаос, отчаяние.

Теперь всё зависело от одной девушки. От её выбора. От её воли.

«Она не откроет книгу», — мысленно повторила Лиафора, словно заклинание само по себе могло изменить судьбу. — «Она не станет этого делать. Должна поверить в то, что есть иной путь. Что сила — не в разрушении, а в понимании. В прощении. В смелости остаться человеком, даже когда в тебе течёт кровь дракона».

Королева подняла руку. Пальцы зашевелились, сплетая тонкие нити магии — не для нападения, не для принуждения, а для связи. Она послала мысленный зов, мягкий, почти незаметный, но полный силы и веры:

«Зара… услышь меня. Не поддавайся страху. Не дай гневу и боли решить за тебя. Ты — больше, чем древняя сила. Ты — выбор. И в этом — твоя истинная мощь».

Внизу, в лесу, Зара вдруг замерла. Она подняла голову, будто уловила чтото в воздухе — шёпот ветра, отзвук далёкого голоса, тепло, коснувшееся сердца. Книга в её руках чуть дрогнула, но пальцы не разжались. Взгляд стал чуть яснее, а дыхание — ровнее.

Лиафора вздохнула. Пока — достаточно. Пока надежда ещё жива.

Она опустила руку, но не отвела взгляда от зеркала. В её глазах читалась решимость: если Зара всё же откроет книгу, если печать падёт — королева будет готова. Готова встретить дракона. Готова попытаться снова его остановить. Или, быть может… найти способ примирить две сущности — человеческую и древнюю, — прежде чем мир снова погрузится во тьму.

Тем временем Зара, задыхаясь от слёз и страха, успела укрыться в тёмной расщелине между древними валунами — там, где корни вековых деревьев сплетались в причудливые узлы, а мох заглушал шаги. Прижавшись спиной к холодному камню, она судорожно прижимала к груди старинную книгу — её края царапали ладони, а тиснёные символы на обложке словно пульсировали в такт бешеному стуку сердца.

Но Ирина нашла её — не по следам, не по звуку, а будто по невидимой нити, связывающей их судьбы. Она появилась

изза деревьев, бледная, с запекшейся кровью на одежде, но с решимостью в глазах, которая не позволяла отступить.

— Зара, — голос Ирины звучал хрипло, но настойчиво. Она сделала осторожный шаг вперёд, протянув руку. — За тобой Селестина охотится. Отдай мне книгу — я верну её обратно в архив. Там ей самое место, подальше от зла, которое она несёт.Зара вскинула голову. В её глазах, покрасневших от слёз, вспыхнул дикий, почти звериный огонь. Все обиды, боль, годы одиночества и недоверия сошлись в один миг — и прорвались наружу.

— Нет! — выкрикнула она, и в этом крике смешались отчаяние и ярость. — Ты такая же, как все! Ты тоже хочешь отобрать у меня то единственное, что может дать мне ответы!

Не раздумывая, она рванулась вперёд и с неожиданной силой толкнула Ирину в грудь. Удар получился резким, отчаянным — настолько сильным, что Ирина, ослабленная раной и потерей крови, отлетела назад и с глухим стуком ударилась о ствол древнего дуба. Ветви затрещали, с них посыпались сухие листья и мелкие ветки.

На мгновение воцарилась тишина. Только тяжёлое дыхание Зары да шорох опавшей листвы нарушали её. Ирина, прижимая ладонь к ушибленному плечу, медленно подняла взгляд на девушку. В её глазах не было гнева — лишь глубокая, щемящая боль и понимание.

Воздух дрогнул, словно от невидимого удара. Иллюзия

рассеялась в одно мгновение — мерцающая пелена маскировки растаяла, как утренний туман под лучами солнца. Ирина, ещё секунду назад казавшаяся израненной и ослабленной, вдруг преобразилась: черты лица заострились, улыбка стала холодной и хищной, а глаза сверкнули знакомым ледяным блеском. Теперь перед Зарой стояла Селестина — та самая, что гналась за ней с жаждой власти и мести.

— Удивительно, что такая девчонка сумела раскрыть моё заклинание маскировки, — процедила «Селестина», и в её голосе прозвучало не столько восхищение, сколько раздражение. Она сделала шаг вперёд, пытаясь сохранить превосходство, но в глазах мелькнуло недоумение.

Зара слегка улыбнулась — не испуганно, не растерянно, а с едва заметной насмешкой, в которой читалась спокойная уверенность. Плавным, отточенным движением она провела рукой перед собой, шепча короткое заклинание. Воздух вокруг неё заискрил, на мгновение окутав фигуру мерцающей дымкой, — и иллюзия трансформации развеялась.

Под маской Зары оказалась… Ирина. Настоящая Ирина — с бледным лицом, всё ещё покрытым каплями пота от боли и напряжения, но с глазами, горящими решимостью и триумфом.

— Потому что я не Зара, идиотка, — чётко и твёрдо произнесла она, глядя прямо в глаза своей противнице. Голос звучал ровно, без тени страха. — И ты слишком долго недооценивала меня.

Селестина отшатнулась, на миг утратив самообладание. Её маска холодной уверенности дала трещину — на лице отразилось искреннее изумление, почти шок. Она замерла, сжимая кулаки, пытаясь осознать, как её так ловко провели.

— Ты… — начала она, но осеклась.

Ирина не дала ей времени опомниться. Она выпрямилась во весь рост, несмотря на рану, и сделала шаг вперёд.

— Ты думала, что сможешь запугать меня, запутать, заставить играть по твоим правилам? — её голос зазвучал громче, твёрже. — Но ты забыла одну вещь: я знаю тебя. Знаю твои уловки, твои слабости, твои страхи. И я не позволю тебе причинить вред Заре.

Лес вокруг словно замер, прислушиваясь к этим словам. Даже ветер утих, а деревья, казалось, склонились ближе, чтобы не пропустить ни звука. В воздухе повисло напряжение — не просто противостояние двух магов, а схватка воли, опыта и понимания того, что на кону стоит гораздо больше, чем книга или власть.

— Ты думала, что сможешь запугать меня, запутать, заставить играть по твоим правилам? — её голос зазвучал громче, твёрже. — Но ты забыла одну вещь: я знаю тебя. Знаю твои уловки, твои слабости, твои страхи. И я не позволю тебе причинить вред Заре.

Селестина застыла на мгновение — её лицо исказилось от смеси изумления и ярости. Глаза расширились, губы дрогнули, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Она медлен-

но окинула Ирину взглядом, словно пытаясь отыскать следы иллюзии, но магия была рассеяна — перед ней стояла настоящая Ирина, без масок и притворства.

— Что? — прошипела Селестина, и голос её зазвучал хрипло, срывающимся от гнева шёпотом. — Ты превратилась в ту, кто убил твоих родителей, чтобы защитить её? А я, по твоей тупой логике, — идиотка? Да ты не просто дура… Ты куда хуже — слабее и тупее Зары! — Она сделала резкий шаг вперёд, почти выкрикивая слова. — Не хотелось это признавать, но вы с Зарой всё равно похожи. Обе — слепые, наивные, готовые жертвовать собой ради тех, кто этого не стоит!

Ирина выслушала её молча, не отводя взгляда. В её глазах не было ни гнева, ни обиды — лишь глубокая, усталая печаль. Когда Селестина закончила, она тихо, но твёрдо произнесла:

— Да, я согласна с тобой. Мы с Зарой похожи. Мы обе искали признания, пытались доказать, что чегото стоим. Но разница в том, что я наконец поняла: сила не в том, чтобы мстить или властвовать. Сила — в том, чтобы защищать тех, кто тебе дорог. Даже если это значит идти против тех, кого когдато уважала.

Зара, скрывавшаяся за толстым стволом древнего дуба в нескольких шагах от них, замерла. Она прижималась к шершавой коре, едва дыша, и молча наблюдала за происходящим. Её сердце билось так громко, что, казалось, его стук

могли услышать обе женщины. В глазах стояли слёзы — не от страха, а от осознания того, что ктото готов был рискнуть всем ради неё.

Селестина, не замечая присутствия Зары, вдруг расхохоталась — резко, истерично, запрокинув голову. Смех её звучал неестественно, почти безумно, и от этого по спине Ирины пробежал холодок.— О, как трогательно, — процедила Селестина, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Но знаешь, что на самом деле важно? Не ваши жалкие душевные метания, а вот это, — она резко вскинула руку, указывая на книгу, всё ещё зажатую в пальцах Ирины. — С помощью этой книги можно добиться всего. В ней содержатся тайные способности всех королев фауны — знания, накопленные веками. Магия, которая позволит мне переписать правила этого мира. Я стану не просто королевой — я стану богиней!

Её глаза горели фанатичным огнём, лицо исказилось от жажды власти. Она сделала шаг вперёд, протянув руку к книге:

— Отдай её мне, Ирина. Отдай сейчас же, и, может быть, я оставлю тебе жизнь.

Лес вокруг словно потемнел. Ветви деревьев склонились ниже, тени удлинились, а воздух стал густым и тяжёлым, будто предвещая бурю. Ирина крепче сжала книгу, выпрямилась и посмотрела Селестине прямо в глаза. В этот миг она знала: от её решения зависит не только её судьба, но и судьба Зары, и всего королевства.Ирина крепко сжала кни-

гу, пальцы побелели от напряжения. Её взгляд не дрогнул — она смотрела прямо на Селестину, и в этом взгляде читалась непоколебимая решимость.

— Я не отдам её, — произнесла она твёрдо, почти шёпотом, но в голосе звучала такая твёрдость, что даже ветер, казалось, замер, прислушиваясь. — Не отдам то, что может принести столько разрушений.

Селестина застыла на мгновение, а затем её лицо исказилось от ярости. Губы скривились в злобной усмешке, глаза сверкнули безумным огнём. Она резко развернулась, схватила лук, лежавший у подножия старого дуба, и в мгновение ока вставила стрелу. Тетива глухо заскрипела, натягиваясь до предела.

— Хочешь, чтобы я приукрасила твоё тело новыми дырками? — прошипела Селестина, прицеливаясь. В её голосе смешались насмешка и холодная жестокость.

— Могла бы просто попросить. Для тебя стрел не жалко.Ирина не шелохнулась. Она знала: любое движение может спровоцировать выстрел. В груди билась одна мысль: «Только бы Зара не вышла из укрытия. Только бы она не попыталась вмешаться».

Свист тетивы — и стрела сорвалась с лука, рассекая воздух с леденящим свистом. Ирина едва успела чуть отклониться, но остриё всё же вонзилось в живот, пробив ткань и плоть. Боль вспыхнула острой, обжигающей волной, заставив её содрогнуться и сделать шаг назад. Кровь хлынула,

пропитывая одежду, капая на землю тёмными каплями.

Она стиснула зубы, подавляя стон, и выпрямилась, хотя колени дрожали, а перед глазами поплыли тёмные пятна. Книга попрежнему была в её руках — тяжёлая, словно впитавшая в себя весь груз ответственности.

Селестина опустила лук, сделала несколько шагов вперёд и остановилась в паре шагов от Ирины. Её лицо исказила торжествующая гримаса.

— А я ведь хотела сначала с Зарой разобраться, — протянула она, медленно покачивая головой. — Но так получилось, что на тебя нашлись планы куда похуже, чем у Зары. Теперь ты будешь первой, кто умрёт. И поверь мне, это будет медленно. Очень медленно.

Она сделала паузу, наслаждаясь видом израненной Ирины, её бледным лицом, дрожащими руками, которые всё ещё сжимали книгу.

— Ты думала, что сможешь остановить меня? — Селестина рассмеялась — хрипло, издевательски. — Ты всего лишь пешка. Слабая, наивная, готовая жертвовать собой ради иллюзий. Ты не понимаешь, что мир принадлежит тем, кто берёт, а не тем, кто отдаёт.

Ирина подняла голову. Глаза её затуманились от боли, но в глубине зрачков теплился упрямый огонёк. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь, и тихо, но отчётливо произнесла:

— Может, я и пешка. Но даже пешка может поставить мат

королю.

Лес вокруг замер. Ветви деревьев склонились ниже, тени удлинились, а воздух стал густым и тяжёлым, будто предвещая бурю. Селестина на мгновение замерла, уловив в этих словах чтото, чего не ожидала. В её глазах мелькнуло сомнение — едва заметное, но оно было.

А за стволом старого дуба Зара, прижав ладонь ко рту, с ужасом смотрела на происходящее. Слезы катились по её щекам, но в груди разгоралось чтото новое — не страх, а решимость. Она сжала кулаки, чувствуя, как внутри пробуждается сила, которую она так долго пыталась подавить.

Селестина медленно, с нарочитой неторопливостью, достала изза пояса небольшой хрустальный пузырёк. Сквозь прозрачные стенки просвечивала густая, иссинячёрная жидкость — яд, от одного вида которого кровь стыла в жилах. Её губы искривились в жестокой усмешке.

— Прощай, гадюка, — процедила она, занося руку для броска. — Наконецто ты получишь то, что заслуживаешь.

Но прежде чем она успела разжать пальцы, воздух разорвал стремительный порыв ветра — и откуда ни возьмись появилась Зара. Движения её были резкими, отточенными, исполненными ярости: она в прыжке ударила Селестину ногой прямо в лицо.

Звук удара эхом разнёсся над опушкой. Селестина, не успев среагировать, отлетела назад и с глухим стуком врезалась в ствол древнего дуба, росшего у самого края озера. Ко-

ра треснула, осыпались сухие ветки, а вода в озере всколыхнулась, будто сама природа содрогнулась от этой вспышки насилия.

Селестина медленно подняла голову. Кровь сочилась из рассечённой губы, но в глазах горела не боль — холодная, расчётливая ярость. Она посмотрела Заре прямо в глаза и прошипела:

— Фатальная ошибка с неизбежным последствием.

Ирина, всё ещё стоящая на ногах лишь чудом, в ужасе посмотрела на Зару. В её взгляде читались и страх, и отчаяние, и невольное восхищение смелостью девушки.Зара выпрямилась во весь рост. Её лицо, обычно такое мягкое и открытое, теперь исказилось от гнева. Голос зазвучал низко, почти угрожающе:

— Фатальная ошибка — когда ты убиваешь мою наставницу, тварь!

— Закрой пасть! — рявкнула Селестина, вскакивая на ноги. Её голос дрожал от ярости. — Я таких соплячек сразу тушу, как свечку!

— Попробуй! — бросила Зара, сверкнув глазами. — Тебе понравится.Селестина рассвирепела окончательно. Она вскинула руку, сжимая пузырёк с ядом, и заорала:

— Тебе меня не одолеть! Жалкое Рептилия!

Она уже занесла руку для броска, но в тот миг Зара глубоко вздохнула. Грудь её поднялась, плечи расправились — и вдруг из её рта вырвался столб ослепительноалого пламени.

Огонь взметнулся ввысь, мощный и неудержимый, — такой же, каким когдато жёг королевство древний дракон. Пламя окутало Селестину целиком, поглотив её крик боли и ужаса. Волосы вспыхнули, одежда занялась, а сама она, ослеплённая и обезумевшая от боли, попятилась назад.

Споткнувшись о торчащий из земли камень, Селестина потеряла равновесие. Ещё мгновение — и она, объятая пламенем, рухнула в пропасть, прямо в тёмные воды озера. Всплеск, шипение, клубы пара — и всё стихло.

Зара стояла, тяжело дыша. Пламя, только что бушевавшее вокруг неё, угасло так же внезапно, как и появилось. Она медленно повернулась к Ирине. Лицо её было бледным, глаза — расширенными от потрясения. Она сама не до конца осознавала, что только что сделала.

Ирина смотрела на неё, не в силах вымолвить ни слова. В её глазах читались и ужас, и благоговение, и — наконец — понимание.

Лес вокруг замер, словно оцепенев от увиденного. Ветер утих, птицы умолкли, а озеро, поглотившее Селестину, медленно успокаивалось, разглаживая рябь на поверхности.

Солнце медленно опускалось к горизонту, окрашивая небо в глубокие оттенки алого и пурпурного. Длинные тени деревьев протянулись по земле, а воздух наполнился прохладной свежестью наступающего вечера. Последние лучи заката золотили верхушки деревьев, отражались в глади озера, где ещё недавно бушевала магическая битва. Природа,

будто заворожённая, затихла в ожидании — ни ветерка, ни птичьих трелей, только шелест листьев да далёкий плеск волн.

После того как пламя угасло, а эхо крика Селестины растворилось в шуме волн озера, Зара медленно повернулась к Ирине. Дыхание её ещё сбивалось, руки слегка дрожали, но в глазах уже не было прежней тревоги — лишь глубокая, почти детская надежда.

— Вы как, Ирина Павловна? — тихо спросила она, делая осторожный шаг вперёд.Ирина, бледная, но с сияющей улыбкой, посмотрела на неё с такой гордостью, что у Зары перехватило дыхание. В её взгляде читалось не просто одобрение — это было признание, восхищение, благодарность, собранная в одном тёплом взгляде.

— Всё хорошо, Зара, — мягко ответила она. — Подойди сюда и закрой глаза. Тебя ждёт награда.

Зара послушно закрыла глаза, затаив дыхание. В воздухе повисло мгновение тишины — такое хрупкое и важное. Она почувствовала лёгкое прикосновение к волосам, чтото прохладное и невесомое опустилось на голову.

— Можно открывать? — не выдержав, тихо спросила она.

— Да, — прозвучал ласковый голос Ирины.

руку, коснулась предмета на голове — гладкой, тонкой полосы металла, украшенной камнями, мерцающими, как утренняя роса. Опустив взгляд, она заметила, что диадемы на голове Ирины Павловны больше нет.

— Стоп… А где ваша диадема? — растерянно спросила Зара. — Вы её гдето потеряли во время битвы?

Ирина Павловна рассмеялась — легко, искренне, и в этом смехе не было ни капли усталости или боли, только чистая радость.

— Поздравляю тебя с выпуском, Зара! — торжественно произнесла она. — Ты не просто сдала экзамен — ты спасла королевство от Селестины, которая хотела заполучить книгу. Эта диадема — твоя.

Зара замерла, не в силах поверить. Её глаза расширились, в них вспыхнул такой яркий, живой блеск, какого Ирина не видела раньше. Это был не просто восторг — это было осознание собственной силы, понимания, что она действительно чегото стоит.

— Моя?.. — прошептала она, всё ещё не решаясь до конца принять этот дар.

— Твоя, — подтвердила Ирина, мягко улыбнувшись. — Ты заслужила её.

На мгновение мир вокруг словно замер, позволяя им обеим прочувствовать этот миг — момент признания, перехода из ученицы в равную, из девочки, ищущей одобрения, в ту, кто теперь несёт ответственность за судьбу королевства.

— Давай отпразднуем это в кафе, — предложила Ирина, протягивая Заре руку.

Не говоря ни слова, Зара бросилась к ней и крепко обняла, прижимаясь к плечу наставницы. В этом объятии было

всё: благодарность, облегчение, радость и робкая надежда на будущее.

— Ирина Павловна, — чуть отстранившись, прошептала Зара, — самое трудное ещё впереди, да?

— Да, — кивнула Ирина, ласково проведя рукой по её волосам. — Но теперь ты не одна.

— Тогда расскажите мне об этом в кафе, — с улыбкой сказала Зара, и в её голосе впервые за долгое время прозвучала настоящая, беззаботная лёгкость.

Глава 2

"Фауна" и сила чужого я

В Зале Печатей время шло медленнее. Свет пробивался сквозь узкие витражные окна и ложился пыльными столбами на каменный пол; тяжёлые своды, исписанные рунами древних заклинаний, нависали так низко, что голос здесь невольно станов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.